

Глава 32. Гвардейцы собираются вместе

Когда Цзан Е и Цзян Сюньцзянь прибыли в подземелье поместья Цзян, Цзян Вэньчжоу, мрачнее тучи, уже застыл перед настежь распахнутой дверью камеры.

Сложив руки в почтённом приветствии, Цзан Е и Цзян Сюньцзянь в один голос произнесли:

— Господин лингуань.

Цзян Вэньчжоу обернулся. Он смотрел с такой яростью, что, казалось, готов был метать молнии.

— Этот Янь Хуайлин... он действительно сумел бежать?!

— Господин, боюсь, в этом деле не всё так просто, — начал Цзан Е. — Молодой господин Янь...

Он намеревался рассказать Цзян Вэньчжоу о найденном складном веере, но разгневанный хозяин поместья не желал слушать оправданий. Он грубо оборвал Цзан Е на полуслове:

— Хватит! Не стоит больше сотрясать воздух. Янь Хуайлин обернулся Чёрным гусем и похитил свиток Тайянь. Если весть о том, что в моём поместье не смогли удержать простого воришку, разлетится по свету — я погублю свою репутацию!

— Господин... — попытался вставить слово Цзян Сюньцзянь.

— Он оставил письмо, — Цзян Вэньчжоу резким жестом пресёк попытку гвардейца заговорить.
— Читайте сами.

С этими словами он развернулся и ушёл, даже не оглянувшись. Слуга поднёс письмо к Цзан Е и Цзян Сюньцзяню. Развернув бумагу, они прочли:

«Свитки Ваньшоу и Тайянь теперь в руках Хэйяня. Через несколько дней я навещу одну семью здесь, в землях Тайянь. О времени визита извещу вас заранее. Разумеется, если вам не удастся меня поймать, боюсь, в том доме станет поменьше ценных вещей».

— Семья в землях Тайянь? — Цзян Сюньцзянь был ошеломлён. — Тайянь огромен, как нам понять, о ком речь?..

Цзан Е же хранил тяжёлое молчание. Лицо его оставалось неподвижным. Ранее, при переписывании свитков, он видел почерк Янь Хуайлина — буквы на этой записке были точь-в-точь как те, что выходили из-под кисти молодого господина. Впрочем, Цзан Е не исключал, что

искусный вор мог попросту подделать стиль письма.

— Господин Цзан, что же нам теперь делать? — Сюньцзянь пребывал в полном замешательстве.

Цзан Е сжал записку в руке. В его воображении возник образ Янь Хуайлина: то, как тот лукаво прищурился бы и усмехнулся, произнося эти дерзкие слова. От этой мысли в душе гвардейца всколыхнулось целое море противоречивых чувств.

— Господа.

Пока Цзан Е и Цзян Сюньцзянь вчитывались в каждое слово «послания Хэйяня», к ним подошёл один из слуг ведомства Шуйтин и поклонился:

— Господин Цзян приказал вам обоим немедленно отправиться на поимку Чёрного гуся и вернуть свитки Тайянь и Ваньшоу.

Передав приказ, слуга тут же удалился.

— Господин Цзан, это ведь... — начал было Цзян Сюньцзянь, не скрывая досады.

Цзан Е спрятал записку и обернулся к распахнутой тюремной двери. Придерживая меч, он слегка наклонился и внимательно осмотрел замок, нахмутив брови. Сюньцзянь молча последовал его примеру.

Спустя минуту Цзан Е выпрямился.

— У вас есть догадки? — спросил Сюньцзянь.

— На замке нет следов взлома.

Сюньцзянь на мгновение замер от удивления, но затем предположил:

— У школы Цзюэ есть техника Пленения души. Молодой господин Янь хорошо знаком с их секретами. Если он применил нечто подобное, то заставить стражника открыть дверь для него не составило бы труда.

Цзан Е промолчал. За те месяцы, что он провёл рядом с этим несносным повесой, он понял: тот действительно знал кое-что о техниках школы Цзюэ, но искусство пленения душ явно не входило в список его талантов.

Цзан Е окинул взглядом камеру. Если Янь Хуайлина действительно подставили, то его либо похитил мастер Пленения души, либо... в этой тюрьме у врага был сообщник. Но если это так, то какова их цель? Какую выгоду они надеются извлечь, увозя Янь Хуайлина?

— Господин Цзан? — заметив, что напарник ушёл в себя, Сюньцзянь негромко окликнул его. — Нам остаётся только исполнить приказ господина Цзяна.

Ощущая за пазухой смятый веер Янь Хуайлина, Цзан Е после долгой паузы наконец ответил:

— Хорошо.

Следующие несколько дней они провели в разъездах по городу, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку, указывающую на след Чёрного гуся. Однако поиски не принесли плодов, и Цзян Сюньцзянь начал понемногу терять надежду.

— Через несколько дней начнётся Фестиваль Освобождения духов, — заметил он. — Гулянья продлятся больше десяти суток. В это время в город хлынет толпа самого разного люда. Если Чёрный гусь выберет этот момент для удара, мы с вами останемся ни с чем.

— Судя по записке, он именно на это и рассчитывает, — отозвался Цзан Е.

— С чего вы взяли?

— Он оставил послание лишь ради забавы. А когда ещё являться, как не в тот момент, когда мы будем сбиты с толку праздничной сутолокой?

Цзян Сюньцзянь понимающе кивнул. Они медленно шли по оживлённой улице Гуаньчжоу. Вокруг кипела жизнь: выкрикивали зазывалы, шумела толпа. Сюньцзянь лениво поглядывал на товары в лавках, а Цзан Е хранил суровое молчание.

Тайянь был огромен. Если Чёрный гусь решит нанести удар за пределами Гуаньчжоу, слухи об этом разлетятся мгновенно. А пока новостей нет — возможно, это и есть добрый знак.

— Господин... — Сюньцзянь всё ещё размышлял о поступке Янь Хуайлина. — Позвольте спросить.

— Говори.

— Насколько хорошо вы... знаете молодого господина Яня?

Цзан Е замолчал. Он и сам не знал, как ответить на этот вопрос. Того жизнерадостного человека, который вечно доставлял ему хлопот, но умел рассмешить в самую тяжёлую минуту, он, как ему казалось, понимал неплохо. Но у этого пройдохи была и другая сторона. Чёрный гусь, техника лёгкости...

«А если я говорю серьёзно, что ты на это скажешь, Цзан Е?»

В груди кольнуло. Цзан Е нахмурился. Сюньцзянь, хоть и не видел лица напарника, почувствовал, как вокруг того сгустилась тяжёлая аура.

— Почти не знаю, — наконец вымолвил Цзан Е.

— Я уже спрашивал вас: похож ли этот побег на его стиль?

Цзан Е горько усмехнулся. В памяти всплыло смеющееся лицо этого невыносимого человека. О да, стиль был его. Вечно легкомысленный, вечно делающий вид, что ему всё нипочём.

— Похож, — признал Цзан Е. — Но...

— Значит, вы тоже думаете, что это был он? — удивился Сюньцзянь.

Цзан Е хотел было возразить, но его взгляд упал на лавку, где торговали складными зонтами.

«Господин, в следующий раз зонтик нужно выбрать поменьше, чтобы мы шли плечом к плечу».

В голове эхом отозвался задорный голос. Цзан Е замер, глядя на зонт, чей узор был так похож на тот, что они делили в другой провинции.

— Господин Цзан?

Очнувшись, гвардеец переспросил:

— Что?

— Вы тоже считаете, что это Янь Хуайлин?

— Неважно, что я считаю.

Будь это их первая встреча, Цзан Е, возможно, усомнился бы в своих чувствах. Но они провели в пути несколько месяцев. Как бы человек ни притворился, он не может играть роль каждую

секунду. Цзан Е верил, что Янь Хуайлина подставили. А что касается тайны Чёрного гуся... возможно, у него были на то веские причины.

Складной веер Янь Хуайлина всё ещё лежал у Цзан Е на груди. Непроизвольно коснувшись рукой ткани через одежду, он ощутил острое, почти болезненное желание встретиться с этим наглецом и потребовать ответа. Глядя на Цзан Е, Сюньцзянь понял: этот человек скрывает в себе бездну мыслей, он молчалив и к нему трудно подступиться. Трудно было представить, как Янь Хуайлин уживался с ним.

— Позвольте ещё пару слов.

— Прошу.

— Каким человеком вы его видите? — Сюньцзянь задумчиво прищурился. — На мой взгляд, хоть господин Янь и ведёт себя как повеса, в душе он не злой. Дела ведёт споро, лингуани его ценят... Редкий талант.

Цзан Е помрачнел.

«Господин...»

«А если я серьёзно...»

Наконец он отвёл взор от зонтов.

— Я... не могу его прочесть.

У Янь Хуайлина были тысячи лиц, он менял их так быстро, что Цзан Е терялся. Всякий раз, когда Цзан Е казалось, что он ухватил нить его мыслей, тот ускользал, маня за собой, но растворяясь, едва стоило обернуться. Он был словно бабочка среди цветов или снег в лесу: прекрасен, но мимолётен.

Сюньцзянь лишь криво усмехнулся:

— Да уж. Пожалуй, вы правы. Он из тех, кого невозможно понять до конца.

Заметив, что Цзан Е больше не настроен на разговоры, Сюньцзянь не стал докучать расспросами. Они побрели дальше, как вдруг сзади их кто-то окликнул.

— Господа, не вы ли будете золотыми гвардейцами: Цзан из Ваньлина и Цзян из Тайяня? — голос был чистым и звонким, заставляя сердце биться чаще.

Оба обернулись. К ним спешил незнакомец с лучистой улыбкой. Его походка была легка, точно весенний ручей. Гвардейцы переглянулись — они не знали этого человека.

Незнакомец, ничуть не смутившись их холодности, остановился перед ними и почтительно сложил руки:

— Моё имя Чжоу Тяньгэ. Я золотой гвардеец из ведомства лингуаня Цао в Чжибу. На днях до нас дошли вести о краже медицинских свитков Чёрным гусем, и господин Цао прислал меня на подмогу.

Цзан Е знал, что поиски свитков — дело тайное, но было очевидно: с того момента, как они с Янь Хуайлином покинули поместье в Ваньлине, за ними следили. Сначала многие в Поднебесной считали существование свитков лишь легендой, но раз лингуани отправили своих лучших людей, значит, слухи подтвердились. Лингуань Цао из Чжибу явно не желал, чтобы вся слава досталась Тайяню и Ваньлину.

Гвардейцы ответили на приветствие. Чжоу Тяньгэ, несмотря на молодость, уже прославился в своём регионе как одарённый мастер и командир гвардейцев.

— Я много слышал о «Первом мече Поднебесной», господин Цзан. Почту за честь познакомиться! — воскликнул Чжоу Тяньгэ. — А вы, господин Цзян, в прошлом году так ловко изловили того убийцу из Тайяня... восхитительно!

Обменявшись любезностями, Тяньгэ перешёл к делу:

— Говорят, Чёрный гусь оставил новое послание. Есть ли у вас догадки?

— Место пока неясно, но время, скорее всего — Фестиваль Освобождения духов, — ответил Сюньцзянь.

Тяньгэ на мгновение задумался.

— Ах, вот оно что. Я давно хотел попасть на этот праздник, да всё случая не представлялось.

— Если Чёрный гусь явится туда, боюсь, нам будет не до веселья, — сухо заметил Сюньцзянь.

Цзан Е празднества не заботили. Одно лишь упоминание «Чёрного гуся» заставляло его мрачнеть. При следующей встрече им с Янь Хуайлином, скорее всего, придётся обнажить мечи. А у него ещё столько вопросов... если тот человек действительно вор.

Пока Сюньцзянь и Тяньгэ оживлённо беседовали, они вернулись в поместье Цзян. Цзан Е шёл рядом молчаливой тенью, лишь изредка отвечая на вопросы.

В главном зале, помимо Цзян Вэньчжоу, обнаружались ещё двое. Нетрудно было догадаться, что это прибыли гвардейцы из регионов Цзюньту и Янхуа.

Чжоу Тяньгэ из Чжибу, в своём ярко-жёлтом одеянии, казался воплощением весеннего тепла. Гвардеец из Цзюньту, Цай Чжоин, напротив, был могуч и грозен: густая борода, смуглая кожа и четыре меча за спиной придавали ему вид свирепого воина. Третий, Хань Юньдэ из Янхуа, выглядел куда утончённее — в белых одеждах, с веером в руке и холодным взглядом, он казался человеком, к которому непросто найти подход.

Когда все формальности были соблюдены, Цзян Вэньчжоу взял слово:

— Золотые гвардейцы, вы проделали долгий путь. Прошу простить, если мой приём показался вам скучным.

— Господин лингуань излишен в скромности, — улыбнулся Тяньгэ. — Мы прибыли помочь, и наше внезапное появление — лишь следствие важности дела.

Цзан Е внимательно наблюдал за присутствующими. Цай Чжоин смотрел на хозяина дома тяжёлым взглядом. Хань Юньдэ же не сводил глаз со своей чашки, сохраняя на лице полное безразличие.

Наконец заговорили о новой записке вора.

— Пришло второе послание от Чёрного гуся, — объявил Цзян Вэньчжоу.

Цзан Е нахмурился. Они с Сюньцзянем несколько дней рыскали по городу и ничего не нашли, а вор умудрился подбросить письмо прямо под нос лингуаню.

Цзян Вэньчжоу зачитал:

— «В ночь Освобождения духов, в семи шагах пути, в лунном свете — бушующие воды, пред цветами — трава мудрости».

Он передал записку гвардейцам. Сюньцзянь, взяв её первым, рассудил:

— «Ночь Освобождения» — это понятно, он нападёт во время фестиваля. «Семь шагов» — явный намёк на город Цибу, что стоит по соседству. А вот «бушующие воды в лунном свете» и «трава мудрости»... тут я в тупике.

Чжоу Тяньгэ принял письмо и задумчиво произнёс:

— Может, это место у воды в Цибу? Раз сказано «лунный свет» и «волны»... озеро? В Цибу только одно озеро — Хэху. Возможно, дело в нём.

Цай Чжоин лишь презрительно фыркнул: «Очередные бредни вороватой птицы», — и небрежно бросил бумагу Хань Юньдэ.

Тот скользнул взглядом по строкам:

— Говорят, в Цибу есть три сокровища: озеро Хэху, птица Лунняо и трава Хуэйянь. Озеро чисто, как само небо, и каждый год туда стекаются толпы зевак. Птица Лунняо приносит удачу, а что касается травы Хуэйянь... по слухам, это тот самый редкий ингредиент для «Пилюль долголетия» из свитка Ваньшоу.

Цай Чжоин нетерпеливо закатил глаза, явно раздражённый неспешной манерой Хань Юньдэ.

— Хватит лить воду, — оборвал он его. — При чём тут записка?

— Полагаю, «трава мудрости пред цветами» — это и есть намёк на траву Хуэйянь.

Цай Чжоин хмыкнул, всем видом показывая: «Мог бы сразу так сказать».

Не обращая внимания на грубость, Хань Юньдэ передал записку Цзан Е. Тот внимательно изучил почерк и произнёс:

— «Бушующие воды в лунном свете». Если это не место, то, может быть, имя?

Присутствующие переглянулись.

— Имя? — переспросил Сюньцзянь.

— В Цибу ведь есть свой Лунный лингуань. Если я не ошибаюсь, его фамилия Хун, что созвучно слову «поток».

— О? — все были удивлены. — Господин Цзан, вы бывали в Цибу?

— Мне довелось там побывать, — коротко ответил Цзан Е.

Всё встало на свои места.

— Значит, решено, — подвёл итог Цзян Вэньчжоу. — Чёрный гусь, скорее всего, объявится в

Цибу во время фестиваля. До начала праздника ещё два дня. Вам пятерым лучше выступить немедленно. Что касается загадки имени — разделитесь. Одна группа отправится в поместье лингуаня Хуна, вторая — к озеру Хэху.

Гвардейцы поднялись со своих мест.

— Слушаемся! — хором ответили они.

<http://bllate.org/book/17493/1714444>